

Подлинники Вел. клуб - 1995. - 2 сент. -

Нежная ^{с.7.}тирания в Театре крепостных

Есть в Москве театр, где зимой холоднее, чем на улице. Впрочем, зимой тут спектаклей не бывает, а летом рекомендую всем дамам брать с собой теплую шаль, лучше старинную. Это Останкинский театр крепостных, который теперь, слава Богу, открыт для зрителей. В нынешнем году отмечается 200-летие со дня первой постановки в Останкине, и музей все лето восхищал и умилял посетителей уникальными концертами.

Клавесин, несомненно, тот инструмент, который звучал в этих стенах и при Шереметеве. Александр Майкапар, пианист, клавесинист, теоретик и вообще энциклопедически образованный человек, концертирует здесь регулярно. Этим летом три вечера играл на клавесине французскую музыку эпохи Людовика XIV, именно ту, что услаждала уши "короля-солнца".

Музыка Франсуа Куперена, абсолютного гения эпохи рококо, исполняется Майкапаром чрезвычайно стильно. Чисто визуальные впечатления точно совпадают со строками Дефоржа Мейярда, французского поэта галантного стиля:

"Смотрю, как пальцы легкие, подобные амуру — О чародеи ловкие! О нежные тираны! — блуждают, бегают по клавишам послушным, летают с тысячу пленительных проказ..."

Другим придворным композитором Людовика был Жак Шампион де Шамбоньер, вдруг отчего-то потерявший его безусловное расположение и удаленный из Версаля. Пьесы Шамбоньера, конечно, сделаны мастерски. Но — о Боже, как это слышно! — Шамбоньер от Куперена отличается (по накалу Божьей искры?) гораздо больше, чем Сальери от Моцарта...

Александр Майкапар играл и Д'Ангелебера, и Д'Андрие, то есть авторов совсем нам неведомых, и менуэтные трели, выходявшие из-под его неугомымых пальцев, продолжались бы, наверное, бесконечно, если бы не жесткий трехдольный ритм, под который к тому же когда-то танцевали...

Еще более экзотическим был концерт лютневой музыки. Я не знаю другого музыканта, который, как Александр Суетин, смог бы сыграть полный концерт на лютне соло! Суетин давно числится в том же ряду уникальных исполнителей, что и Майкапар. Только лютен у него — с десяток; он и сам на все руки мастер, раскапывает давно запорошенные пылью ноты (то есть знаковые записи лютневой музыки), каллиграфически (в стиле!) переписывает их в альбомы. Начало каждой пьесы украшает (в стиле) буквицами, птицами, старинными вензелями. Все это я к тому, что Суетин каким-то удивительным образом личностно погружен в эпоху любимой им музыки.

А что это была за эпоха! В XV—XVII веках какой трубадур или менестрель обходился без лютни в Западной Европе! Один из самых популярных инструментов эпохи Возрождения, лютня к началу XIX века вышла из употребления. Трансформировалась в виолу, мандолу, гитару, наконец. Вообще-то музыкантов можно понять: кто-то из современников написал: "Лютнист, доживший до 80 лет, наверное, 60 из них провел в настраивании своей лют-

ни... Притом содержание ее обходится так же, как и содержание лошади".

Александр Суетин играл в этот раз на так называемой поздней — немецкой барочной лютне, самой большой из существовавших. Именно такая была в доме у Баха. Исполненный им "Московский манускрипт" Сильвиуса Леопольда Вайсса непонятным образом попал когда-то в коллекцию Ивана Скарятина, и вот ныне 52 его пьесы возрождены для нас Александром Суетиным.

Звуки лютни вовсе не так шаловливы и изящны, как звуки клавесина. Это инструмент, требующий подчинения своей мощной стихии, словно бы не музыкант тут главенствует, а инструмент властно диктует ему ходы. В общем, двадцатидвухструнная лютня — не трехструнная балалайка. Пред ней надо мысленно преклонить колена, как пред священной коровой, тихо уговорить ее где-нибудь в темном углу зала, оказать ей свое уважение жестом, беря ее в руки; воздать должное ее возрасту, ее бытовой недоступности.

Суетин, надо сказать, как и Майкапар, очень стилист внешне. В черной рубашке, с длинными русыми волосами и вдохновенным лицом — чем не менестрель? Только лютня, конечно, это не бардовские три аккорда, а звучание ее напоминает скорее все тот же клавесин, чем гитару.

Лютневая музыка показалась очень грустной. А прекраснейшие минорные гармонии так тревожат, что впору расплакаться, если бы не смешила мысль о том, как густо эти великолепные секвенции рассованы по лучшим песням Микаэла Таривердиева...

Открою неприятный секрет: в музыкантских кругах старинная музыка считается прибежищем для бездарей. Пили себе что-то там аккуратненькое из времен давно забытых — кто тебя осудит, ты — так, маленькая раритетная ракушка в океане классической музыки, где бушуют симфонии Бетховена и Брамса, изнывает от изощренной наркотической страсти Шопен, философски постигает тайную связь между землей и небом Скрябин...

Однако и Майкапар, и Суетин болезненно равнодушны к звукам и эмоциям давно ушедшего прошлого, и какими-то своими маниакальными и медуимическими свойствами умеют окупить нас в него без остатка.

Наталья ЗИМЯНИНА.
На репродукции: Мелозо да Форли (1438—1494). Ангел с лютней.

P.S. По счастью, оба музыканта выступят в ближайшее время. 3 сентября Александр Майкапар сыграет последний в этом летнем сезоне клавесинный концерт в Останкине. А 4 сентября в Малом зале консерватории выступит ансамбль Старинной музыки "Орфарион" с лютнистом Александром Суетиным и его женой великолепной камерной сопранисткой Татьяной Беляковой: прозвучит музыка эпохи барокко.